

**Александр
РАЕВСКИЙ**

БЕРЕЗОВЫЙ ВЕТЕР

1812 ГОД

Среднерусские равнины –
Вены рек. Холмы, поля.
Тучи. Избы да овины.
Шлем былинный в ковылях.
Звякнет дальняя церквушка,
Тонко тронет слух Христа,
И – покой; лесной кукушки
Сонный счёт... А где-то там...
Разноцветным ручейком
Дать отпор Наполеону
Шли походные колонны,
Шли знамёна и иконы
Мимо пушкинских окон...

МАЙ 1945 ГОДА

Всё!.. Кто выжил, те в свой дом
Придут не похоронками.
Твердь усеяна кругом
Гильзами, воронками...
Мир настал – сойти с ума!..
Что ж, начнём жить заново!
.. Дым. Рейхстаг. Цветущий май,
«Валенки» Руслановой.
Реет выше синевы
Знамя то – нетленное!
И бредут по мостовым
Те – военнопленные...

Вновь Европе на года
Не тлеть на наковаленке;
Победили – как всегда! –
Ватники и валенки.

КРЕЩЕНСКИЙ ДЕНЬ

Улицы, дома и переулки
Сжала стужа жёстко и всерьёз,
Так, что в рощах деревенских гулко
Лопались стволы седых берёз.
Глубина вселенская звучала
Тонким-тонким звоном бубенца, –
Этой песне не было начала,
Этой грусти не было конца.
Холодно и солнечно на диво!
Смолкли все земные голоса.
Что-то на земле происходило,
Что-то совершалось в небесах...
И никто не ведал, что в пределах,
Где-то на задворках бытия,
Тихо во дворе заиндевелом
Мальчик очарованный стоял.

БЕЛАЯ КОЗА

На холме растёт трава,
На траве лежит коза,
В голубую даль упёрла
Безразличные глаза.

Может, сытая она,
 Может, дремлет в ней душа,
 Всё равно на летнем фоне
 Так бела и хороша!
 Холм, стрекозы, облака...
 Отвяжусь вот от стиха,
 Прибегу к ней с белой кружкой,
 Попрошу: «Дай молочка!».

КОНИ

Не скажу, когда и где:
 В воскресенье, в среду ли,
 В Барабе ли, в Кулунде –
 Лошади мне встретились.
 Днём паслись невдалеке,
 Пред грозой ли, после ли;
 Их двенадцать в табунке,
 По числу апостолов.
 Вижу, есть среди гнедых
 Воронные, рыжие...
 Где же светлый пастырь их,
 Почему не вижу я?
 К ним навстречу побежал,
 Радостно приветствуя!..
 Вдруг один, косясь, заржал
 Звенко, но невесело.
 Дружно все отозвались
 И степными травами
 В даль внезапно понеслись,
 Крылья вдруг расправили...
 Вознеслись над ковылём,
 Пропадают в мареве...
 ...Я побрёл пустой землёй
 До села Комарьева.
 «Что спугнуло тех коней, –
 Думал обречённо я, –
 Что учуяли во мне –
 Неужели чёрное?..»

* * *

Наевшись жизни оголтелой,
 Устав сражаться в темноте,
 Устав метаться в тесноте,
 Душа донашивает тело,
 Уже готовая взлететь.
 Уже ей чужды мир жестокий
 И агрессивная среда,
 Покинув землю навсегда,
 К своим таинственным истокам,
 К мирам ли грозным и далёким –
 Взлетит куда?..

* * *

Травы, звери, птичьи переливы!..
 Радуясь, мелькая и звуча,
 Всё живёт в неведенье счастливом...
 Только людям введома печаль.
 Знаем мы, что есть на свете нечисть,
 Только, уподобленным почти,
 Нам поняття «вечность», «бесконечность» –
 Разум, бедный разум! – не постичь.
 Но зато (как милость иль немилость?)
 Осознать такое не сумеет,
 Свыше нам зачем-то приоткрылась
 Сущность рокового слова «смерть».
 Проступая сквозь свинец ненастья,
 Сквозь весёлый полдень голубой,
 Чёрная «temento mori» надпись,
 Словно меч, висит над головой.
 С тайною надеждой и тревогой
 В большинстве своём на склоне лет
 Молим приютиться ближе к Богу,
 Веря: рядом с Богом смерти нет.

МОЁ БОЛОТО

Не моря, где шторм о скалы бьётся,
 Не реки широкая дуга, –
 Мне привычной тихие болотца
 В ряске, в изумрудных берегах.
 Может, потому, что возле печки,
 От стихий родился далеко –
 Не было в деревне даже речки,
 Лишь за ней глухое озеро.
 Камыши там, чуть шурша, нависли,
 Заглядевшись в воду, как в трюмо;
 И торчали «котики» меж листьев,
 Словно в шоколаде эскимо.
 Часто там бывал я. Для сиденья
 Острого рогоза наломав,
 Вёл свои простые наблюдения,
 Счастлив был, любил и понимал.
 Видел труд ондатры осторожной,
 Миг, когда по глади сонных вод,
 Оставляя тинную дорожку,
 Выводок утиный проплывёт...
 Нравилось, когда мигали свечи
 В топлях, между чахленьких дерев
 Выпь по-бычьей бухала под вечер...
 На краю, бывало, замерев,
 В детстве ждал: сегодня или завтра,
 Из глубин веков, издалека
 Сквозь туман болотный динозавры
 Медленно прошествуют в закат...

Сердце находило утешенье
 В первой загоревшейся звезде,
 В запахах гниения и цветенья,
 В тёплой и коричневой воде.
 Верил: там Яга живёт в избушке,
 Прячутся кикиморы во мглу;
 И на кочке царская лягушка
 Терпеливо ждёт мою стрелу.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

...Из-за леса лиловой громадой
 Наползла она сгустком тревоги, –
 Присмирели под жданной прохладой
 Луг, кусты и сухие дороги.

Неужель громыхнёт в самом деле! –
 Сонный быт растревожит, как улей?..
 Так за месяц уже надоели
 Зной и пыльные листья июля!..

Надо, надо, чтоб местность промокла,
 Чтобы днями свежо и ночами...
 ...Но та туча была одинокой,
 Освещаемой сбоку лучами...

И под ней, как под крышкой надгробной,
 Замер я, без рубашки и босый,

Миг!.. – И сверху посыпались дробно,
 Ослепили жемчужные бусы!..

Весь пронизанный солнечным златом,
 Дождь такой благодатный пролился,
 Что впервые от счастья заплакал
 И вослед неумело молился...

САМОМУ СЕБЕ

Когда уже радость, казалось, не светит,
 Откуда-то с дальней, забытой межи
 Внезапно подует берёзовый ветер –
 И вновь станешь свежим. И хочется жить.

Бессонница сгинет, тоска рассосётся,
 И снова потянет – сперва на восток,
 А после на запад клониться за солнцем,
 Как тот беззащитный зелёный росток.

И вновь на износ станет сердце работать,
 Страдая за добрых, несчастных людей,
 Но всё-таки верить в хорошее что-то,
 Землёй любоваться и в небо глядеть.

Когда всё же свыше решат с похоронкой,
 Вернись с покаяньем к тому, что манит, –
 Всегда тебя примет родная сторонка,
 Найдётся могилка. Господь сохранит.

